— Сейчас у всех трудные времена, откуда взять деньги на такие проекты? Мусор здесь может быть утилизирован только в те редкие моменты, когда мусоросжигательные заводы свободны, — Чжань Цзюцзян тоже был в отчаянии. Летом, когда жарко, запах мусора невозможно игнорировать. Хотя их дом находился далеко от этого места, иногда ветер приносил запах и туда.

Чжань Цзюцзян уже сталкивался с этим. Запах был настолько ужасным, что однажды он проснулся от него в середине дня. Сестра Цзян объяснила ему причину.

Когда Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян вернулись на площадку, Цзян Пинъань учила двух мальчиков кататься на скейтборде. Дети, которые не катались, толпились вокруг самоката.

— У сестры Цзян эта девочка явно обладает лидерскими качествами, — Чжань Цзюцзян, взглянув на них, сразу понял, кто здесь главный.

— Напоминает Тин, — сказал Лян Цзивэнь. Мама Лян часто сокрушалась, что Тин родилась не в том теле. Из всех детей в семье она была самой непослушной, и даже близнецы становились более агрессивными под ее влиянием.

Родственницы в семье Лян могли только вздыхать, что Лян Сысы оставалась настоящей девочкой. Если бы не ее мягкость и утешение, мама Лян, возможно, решила бы родить еще несколько спокойных девочек. Сейчас мама Лян строго следила за Тин, боясь, что Лян Ю тоже поддастся ее влиянию.

Лето подходило к концу, осень уже наступала, и дни становились короче. Они еще немного понаблюдали за игрой детей, пока не стемнело.

— Чжаолай, Пинъань, уже темно, пора домой! — крикнул Лян Цзивэнь.

Услышав его голос, дети, хоть и неохотно, попрощались с друзьями.

Друзья с тоской тянули за рукав Цзян Чжаолая, их глаза жадно смотрели на… его скейтборд.

— Пинъань, вы завтра снова придете играть? — спросила девочка, которая хорошо дружила с Цзян Пинъань. На самом деле на площадке играло мало девочек. Большинство из них с семи или восьми лет уже помогало по дому, а после выполнения домашних дел занималось мелкой работой, которую они брали на улице. Мальчики были более свободны, хотя они тоже помогали по дому, но их жизнь была гораздо веселее.

— Конечно, мы придем, но смогут ли они кататься на скейтборде, зависит от Цзюцзяна и его старшего брата. Цзивэнь-гэ — настоящий мастер, он сам сделал эти скейтборд и самокат, и эти деревянные колеса такие круглые!

Дети с восхищением ахнули, но их желание настаивать на своем значительно уменьшилось. Лян Цзивэнь… он выглядел очень устрашающе. Они точно не осмелились бы подойти к нему.

Лян Цзивэнь, глядя на детей, которые с горящими глазами не решались подойти к нему, задумался.

— Цзивэнь-гэ…

Между площадкой и их домом было некоторое расстояние. Лян Цзивэнь накинул на детей куртки, а Цзян Пинъань, вытирая пот со лба, неуверенно заговорила.

— Что случилось? — Лян Цзивэнь подумал, что она спрашивает о скейтборде, и уже приготовил ответ. Он изначально хотел подарить эти игрушки брату и сестре, но теперь у него возникла другая идея. К счастью, он еще не сказал, что отдаст им скейтборд и самокат.

— Я… Я хочу научиться делать кресло-каталку, — Цзян Пинъань покраснела. Она знала, что мастерство не передается просто так, но, думая о своей бабушке, которая лежала в постели, она решилась.

— Я научусь и сделаю только одно, правда, больше не буду, — видя, что Лян Цзивэнь молчит, Цзян Пинъань поспешно добавила.

Лян Цзивэнь сразу понял ее намерения, и его сердце смягчилось. Даже в темноте он мог видеть, как покраснели ее лицо и шея.

Чжань Цзюцзян ласково погладил Цзян Пинъань по голове и мягко спросил:

— Это для бабушки?

Цзян Пинъань кивнула.

Чжань Цзюцзян сказал:

— Не переживай, твой Вэнь-гэ обязательно поможет тебе сделать его. Завтра после обеда приходи ко мне домой, и после еды ты сможешь покатать бабушку.

— Это не будет для вас слишком большим трудом? — с тревогой спросила Цзян Пинъань. — Я могу помочь! Я не буду мешать!

— Я тоже помогу, я тоже! — Цзян Чжаолай, наконец, смог вставить слово. Хотя он не совсем понимал, о чем шла речь, но, услышав слово «помощь», сразу оживился.

— Это не трудно, помощь не нужна, просто хорошо учись, — Чжань Цзюцзян все больше симпатизировал Цзян Пинъань. — Лян Цзивэнь сильный, он быстро справится. Если хочешь, можешь посмотреть, но он будет делать это в коридоре, так что никаких секретов не будет. Не переживай. Я еще должен поблагодарить тебя за то, что ты ухаживала за мной, когда я был в больнице.

Цзян Пинъань была всего лишь одиннадцатилетней девочкой, но уже была настоящей хозяйкой и дома, и на улице. Она была очень похожа на Лян Тин, но в ней была еще и безрассудная решимость. Лян Сысы была мягкой и изящной девушкой, но он больше восхищался Лян Тин, которая была независимой и сильной. Не то чтобы Лян Сысы не была сильной, но по сравнению с Лян Тин она была более мягкой, у нее были свои принципы, но она чаще думала о других.

На следующее утро Чжань Цзюцзян еще лежал в постели, не желая вставать. Он уткнулся лицом в одеяло, свернувшись калачиком, и его голос доносился глухо:

— Пойди сначала приготовь завтрак, ладно? Обещаю… как только ты приготовишь, я встану…

И снова заснул.

Лян Цзивэнь выпрямил его тело, снял майку и надел рубашку, прежде чем встать с кровати.

Он сначала промыл пшено, добавил воды и поставил вариться, а затем занялся собой. Когда он

вернулся, добавил в кашу финики, ягоды годжи и изюм.

Чжань Цзюцзян вырос на юге, и хотя он ел и соленую кашу, явно предпочитал сладкую.

Лян Цзивэнь также приготовил тарелку слоёного пирога, прежде чем разбудить Чжань Цзюцзяна. Он остановился у кровати, и Чжань Цзюцзян, словно почувствовав его присутствие, укрылся одеялом с головой.

Лян Цзивэнь слегка потянул одеяло, и Чжань Цзюцзян сначала сопротивлялся, но потом сдался, его губы слегка приоткрылись, и он уже начал слегка похрапывать.

— Проснись, маленькая ленивица!

Лян Цзивэнь положил ладонь на лицо Чжань Цзюцзяна. Его кожа была мягкой и упругой. Пользуясь моментом, Лян Цзивэнь погладил его щеки и слегка ущипнул.

— Не хочу, сначала приготовь завтрак…

Голос Чжань Цзюцзяна снова стал тише, и он даже потянулся к руке Лян Цзивэня.

— Вставай, я приготовил завтрак, и еще сделал слоёный пирог. Он, конечно, не такой вкусный, как у мамы, но ты попробуй, ладно? Если захочешь спать, потом снова ляжешь.

Лян Цзивэнь был непреклонен, и Чжань Цзюцзян, хоть и неохотно, начал вставать, ворча и бросая подушку в Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь не уклонялся, позволяя ему выплеснуть раздражение, а затем помог ему одеться, отвез в ванную, где почистил зубы, умыл и даже протер тело.

За завтраком Чжань Цзюцзян, словно наконец почувствовав угрызения совести, спросил Лян Цзивэня:

— Может, я помогу тебе?

— Нет, ты посиди в постели и почитай, я закончу максимум за три часа, — Лян Цзивэнь положил Чжань Цзюцзяну кусок слоёного пирога. Он сделал три вкуса: каштановый, кокосовый и апельсиновый, с легким ароматом и сладостью. Хотя это было не так вкусно, как у мамы Лян, Чжань Цзюцзян был в восторге.

Лян Цзивэнь открыл все окна, закрыл дверь, но не запер ее, задернул половину занавески, а затем дал Чжань Цзюцзяну книгу, чтобы он почитал в постели. Сам он занялся изготовлением кресла-каталки в «гостиной», отделенной занавеской.

http://bllate.org/book/16557/1511305